Сказывают люди, что когда-то в стародавние времена в городе Кракове, неподалёку от городских ворот, жил знаменитый маг и чародей пан Твардовский. Был он рыцарем из знатного рода, но мечу и копью смолоду предпочёл волшебные книги. Долгие годы провёл он за чтением, постигая тайны колдовства, пока в одном из старинных томов не вычитал, как заклинаниями вызвать к себе чёрта.

И вот однажды в полнолуние поднялся он высоко в горы, там на перекрёстке четырёх дорог три раза назвал чёрта по имени, обернулся на четыре стороны света и стал ждать. Ровно в полночь явился к нему чёрт.

С виду похож на заморского гостя: фрак короткий, жилетка на толстом брюхе не сходится, панталоны в обтяжку, туфли с пряжками золотыми. Ни дать ни взять знатный господин из далёких краёв. Но только из-под берета рожки выглядывают, из-под фрака кончик хвоста с клоками шерсти торчит, а из туфель копыта выпирают.

Низко-низко склонился он перед Твардовским в поклоне, бархатным беретом с перышком взмахнул и медовым голосом спрашивает:

— Вы звали меня, господин? Я к вашим услугам! Сам сатана меня к вам прислал. Велел служить вам верой и правдой.

— Сам сатана, говоришь? Ну что же, тем лучше,— отвечает ему Твардовский.— А теперь слушай меня, хвостатый! Отныне ты мой раб. Любая моя прихоть — для тебя закон. Да не вздумай меня обманывать, я заклинаниями своими со дна морского тебя достану.

Махнул чёрт хвостом, опустил уши и тоненьким голоском пропищал:

— Приказывайте, господин, и я как преданный слуга выполню все ваши пожелания, прихоти и капризы. Дам вам власть над людьми и над миром вещей, несметными богатствами одарю. Только для порядка надо составить нам договор. За все старания мои и подарки нужна мне от вас самая малость, сущий пустяк. Вот здесь, на этой бумаге собственной кровью поставьте подпись, что запродали мне свою душу.

С этими словами чёрт вытащил длинный пергамент и протянул Твардовскому. Пан Твардовский без долгих колебаний уколол себе булавкой средний палец и собственною кровью подписал с чёртом договор.

Было в нём одно условие, которое показалось Твардовскому хорошей лазейкой, чтобы от чёрта уйти. Чёрным по белому там было написано, что, пока Твардовский не вступит в Рим, нет у чёрта никаких прав ни на его тело, ни на душу.

«Ты хитёр, но и я не прост,— думал Твардовский, подписывая бумагу.— Благородными родителями своими, дедом и прадедом клянусь, что, покуда я жив, ноги моей в этом городе не будет».

Схватил чёрт подписанный договор, махнул хвостом, так что полы его фрака вверх взлетели, и только хотел было сквозь землю провалиться, чтобы в аду перед сатаной ловкой сделкой похвастаться, как Твардовский хвать его за хвост.

— Э нет, постой, голубчик, так дело не пойдёт! Теперь ты мой слуга и слушай, что я тебе прикажу. Видишь вон ту гору? Олькуш она зовётся. Так вот, свези туда серебро со всей Польши. Все горы и долы обыщи. Из-под земли его достань. А потом для верности сверху скалами завали, чтобы ни один вор к серебру не подобрался.

Словно вихрь помчался чёрт в пекло за помощью и подмогой. Разбежались его дружки рогатые во все стороны, рыщут по всей Польше, в три погибели согнувшись, серебро на себе волокут, а Твардовскому всё мало.

Долго рыскали черти в поисках серебра и, наконец, последнюю его горсть в Олькушские земли доставив, еле живые, с плачем да стонами поплелись в ад. Только чёрт, слуга пана Твардовского, не получил ни минуты передышки и тотчас же предстал перед своим господином.

А тот, подкручивая ус, говорит:

— Ты, чёрт, как я погляжу, молодец, стараешься. Но это ещё не всё! Видишь вон тот утёс? Взвали его на спину да сбрось возле той горы, что Собачьей зовётся.

Застонал чёрт под тяжестью огромного камня. Пока его к горе нёс, чуть было хребет не сломал.

Насилу дотащил и сбросил.

Не успел чёрт дух перевести, а Твардовский ему уже новую задачу придумал.

— Видишь,— говорит,— петуха, что вон на том заборе поёт? Хочу отныне на нём летать, как на коне крылатом!

Чёрт низко поклонился в ответ, в ладоши хлопнул, свистнул два раза, глядь — Твардовский уже на петуха садится. Тот крыльями взмахнул, и полетели они в Краков.

В Кракове народ сбежался, все стоят, смотрят, что за диво такое?

А тут пан Твардовский собственной персоной с петуха слезает и говорит:

— Не бойтесь, люди добрые! Или не признаёте? Это ведь я, ваш земляк, пан Твардовский!

С той поры жил Твардовский, не ведая забот. Стоило ему взмахнуть своей волшебной тростью, и всё было к его услугам. Ни в чём не знал отказа. Конь, что на вывеске в трактире нарисован, служил ему верным скакуном. А частенько верхом на петухе летал Твардовский в Краковский замок к королю, чтобы его колдовскими своими трюками развлечь и позабавить. Золота у Твардовского было, что песка на речном берегу, серебра в Олькушских землях — целые горы.

А вскоре он и жениться надумал. В Кракове, на рынке, приглянулась ему хорошенькая горожанка, что горшками да мисками торговала. Бойкая и смелая она была, умом и красотой славилась. Многие к ней сватались, да только получали отказ. Никто ей угодить не мог. А чтобы от женихов отделаться, она говорила, что выйдет замуж за того, кто разгадает одну мудрёную загадку.

Прослышав про это, Твардовский вырядился в лохмотья, на лице морщины нарисовал, волосы пудрой припорошил, будто седина это, и в таком виде предстал перед девушкой.

— Не возьмёшь ли меня в мужья, красавица?

А она расхохоталась, глядя на старика, но шутки ради показывает ему на большую плетёную бутыль и спрашивает:

Угадай-ка, сделай милость, Что за тварь здесь поселилась, Кто здесь — рыба, птица, уж? Угадаешь — ты мой муж.

Не успела до конца договорить, а Твардовский уже кричит:

— Угадал я, плутовка. Пчёлка это!

Бутыль выпала у девушки из рук и, ударившись о камень, разлетелась в мелкие осколки. А Твардовский смеётся:

— Готовься к свадьбе, красавица!

Девушка в слёзы. При виде девичьих слёз дрогнуло у Твардовского сердце от жалости. С помощью волшебных слов мигом расстался он с жалким рубищем, стёр с лица морщины, волосы в локоны уложил. Стоит перед девушкой в новом кафтане, в плаще с меховым подбоем, в бархатных панталонах и туфлях с бриллиантовыми застёжками. На груди — золотая цепь поблёскивает.

— Вот он я! Выходи за меня замуж, не пожалеешь. В шелка и бархат тебя одену. Птичьего молока раздобуду.

Но девушка ничуть не обрадовалась.

— А мне ваши богатства, золото, бриллианты да деньги чёртовы не нужны! Сама себе на хлеб заработаю!

И после замужества по-прежнему продавала в торговых рядах горшки да миски.

Твардовский как огня боялся своей супруги, ни в чём ей не перечил. И только иногда, чтобы душу отвести, приказывал заложить четырёх лошадей и в сопровождении конной свиты отправлялся в своей карете на краковский рынок. А там слуги его словно саранча налетали на торговый ряд, где пани Твардовская стояла, и разбивали все горшки да миски.

Пани Твардовская — в крик. На весь рынок голосила, проклиная лоботрясов и бездельников, погубивших её товар. А пан Твардовский тем временем сидел в карете, откинувшись на бархатные подушки, и посмеивался в кулак, слушая, как его супруга бранится.

Много о Твардовском, о его проделках и забавах рассказывали люди. Знали его не только в Кракове, но и в маленьком городишке Кельцах: там он не раз с ведьмами на Лысой горе отплясывал.

А чёрту на службе у Твардовского солоно приходилось. Чуть что, хозяин его к себе требует.

То велит из песка свить верёвку, то дом из маковых зёрен построить, то в леса да болота за лечебными травами для своих больных гонит. Ведь Твардовский был ещё и лекарем знаменитым и от многих людей сумел смерть отвести.

Шли годы, пан Твардовский жил не тужил, росла его слава, а бедный чёрт совсем зачах у своего хозяина на побегушках. «Ну, погоди! — думал он.— Придёт время, сочтёмся!»

Но Твардовский не поддавался нечистому.

Правда, раз, спасаясь от своей сварливой супруги, попал он в лес, а волшебную свою трость дома забыл.

Идёт он по лесной просеке и размышляет, чем бы ему ещё мир удивить, а тут, откуда ни возьмись, выскочил чёрт и хвать его за полы плаща.

— В-от ты где мне попался! — пищит.— Ну теперь я тебя не выпущу. В Рим со мной пойдёшь!

Но Твардовский рванулся — раз, другой, третий, таинственное заклятие произнёс и сбросил с себя чёрта.

Отлетел чёрт в сторону, ударился об сосну. Зубами заскрежетал от злости, вырвал дерево с корнем и швырнул в Твардовского. Прямо по ноге ему угодил.

Но и на этот раз сумел Твардовский от чёрта избавиться. Еле живой до дому добрался и долго потом сломанную ногу лечил. Но ни заговоры, ни заклятия не помогли. С той поры Твардовский всегда ходил, опираясь на трость, а люди прозвали его колченогим.

Время шло, и надоело нечистому за душой хитроумного волшебника гоняться.

И вот однажды, обернувшись дворянином, явился он к Твардовскому и с низкими поклонами стал его просить, умолять к своему хозяину, знатному вельможе, в замок пожаловать. Травами да заклинаниями смерть от него отогнать. Так искусно прикидывался чёрт, что не заметил волшебник подвоха и поддался на уговоры.

Сели они в карету и поехали. Едут они, едут, вокруг лес глухой, кони притомились, а замка нет как нет. Наконец выехали на столбовую дорогу, смотрят — у дороги корчма стоит, в окнах огонь горит, шумно там, людно.

— Уж больно долго ты меня по лесам да болотам водил, не грех и в трактир чёрту заглянуть, подкрепиться,— говорит Твардовский

Только переступили они порог, как со всех сторон на крышу старые вороны, совы и филины слетелись. Закаркали, заухали, закричали, да так громко, что гости от страха чуть под стол не попадали.

Понял Твардовский, что беда ему угрожает, а какая — не ведает. Но только смотрит, а вместо учтивого дворянина перед ним его старый знакомый — чёрт. Из-под фрака хвост торчит, из-под шляпы рожки выглядывают, сам стоит — руки в боки да ухмыляется:

— Ну, пан Твардовский! Теперь ты мой! Знаешь, куда мы с тобой прибыли? В «Рим».

Так эта корчма называлась. При этих словах испугался пан Твардовский не на шутку, но не подал виду.

— Ну это мы ещё посмотрим, хвостатый,— говорит, а сам скорее к дверям.

И не успел чёрт опомниться, как Твардовский выхватил младенца из колыбели, что у печи стояла, и бросился с ним к порогу.

Вам известно, что чёрт младенца тронуть не смеет. Только хотел было Твардовский с младенцем на руках переступить порог, как чёрт крикнул ему вдогонку:

— Так-то ты, пан Твардовский, своё слово держишь? А ведь слово для благородного человека — закон.

Услышав такие речи, пан Твардовский от порога тотчас же повернул обратно, младенца испуганной матери на руки передал и говорит:

— Твоя правда, бес. Коня на вожжах не удержишь, а слова сказанного не воротишь — забирай меня с собой.

А чёрту только того и надо. Подскочил он к Твардовскому, вцепился в него и вместе с ним вылетел из корчмы в трубу. Закаркали вороны, заухали филины да совы и заклубились вокруг них чёрной тучей.

Но только птицы вскоре вернулись на землю, потому что чёрт с паном Твардовским поднимались всё выше и выше — выше гор высоких, выше звёзд далёких, туда, куда ни орёл, ни сокол не залетают.

Вот и Луна совсем близко, круглая, ясная, серебристая, тихо на ней, тоскливо да пустынно.

Глянул Твардовский вниз на город, на королевский замок Ва-вель, на старую рыночную площадь с её каменными башнями, которые сверху показались ему такими красивыми, и сердце у него сжалось от боли. Вспомнил он свои молодые годы, те времена, когда он ещё не вступил в сделку с чёртом и был свободен и счастлив.

Глубоко вздохнул он и навстречу бегущим мимо тучам и уходящей всё дальше от него земле запел песню, которой его в детстве мать учила. И видно, материнская песня была сильнее любых заклинаний.

Кончил Твардовский петь, оглянулся по сторонам и видит, что чёрт сгинул куда-то, а сам он парит высоко в небе, возле самой Луны.

Иногда в ясные ночи на Луне можно разглядеть тёмное пятнышко. Люди говорят, что это маг и чародей пан Твардовский. Сидит он там и смотрит вниз на покинутую им Землю.